

Ольга Ильницкая

Молись и пой

* * *

...я открываю ввысь окно,
в иные дали,
там голубь веточку оливы,
воркуя, дарит.
Мне солнце светит веселей,
и вдруг пишу:
«Я, мама, пономарь теперь,
и я прошу,
ночами спи, с утра молись,
молись и пой,
чтобы повсюду и всегда –
вдвоем с тобой.
Послушай звукопись времен,
иные выси».
Гудит к рассвету голова,
компьютер виснет.
Но сохраняю высоту
двойной печали,
где звук хранит мой пономарь
на призрачной скрижали.
И слышу, изболев душой,
воскресны звоны,
и, обмерев, земные бью
в ответ поклоны.

Плач

1

Мир, как пашня, пахнет сыро.
Завтра узнаю, как пахнет могила.
А пока предчувствую...
курю сигарету...
словно последнюю докуриваю эту...
я пойду спать в свою кровать.
А сыну перинку постелю в могилку.
Когда закопают – буду приходить...
словами ворожить...
цветы приносить...
горе горевать...
Ненавижу!
Ненавижу, что сына не увижу...
Что утром вставать.

2

Тринадцатые сутки как сын не похоронен,
не могу я спать.
Вот кресло, вот телевизор, вот кровать...
Вот книги... вот портрет... вот крест...
Вот я... А сына нет...
Никогда я не знала большего страха,
чем урна с прахом на полке шкафа.
...вторую неделю бумаги, печати,
справки, пароли да явки:
и только потом мать – сыра земля...
а вовсе не я...
а как называется мать – потерявшая сына?
потерявшая мужа – вдова...
как теперь называюсь...
как теперь называюсь я...
Смотрю на... Бедный мой сын,

взглядом вбираю, оберегаю...
Обратно в себя возвращаю?
Покойся во мне, дитя...
Родить тебя больше не...
Два раза не умирать?
Что за ужас придумала –
прах твой в себя вобрать –
«Роди меня, мама, обратно»...
Я не сумею.
Я прах твой лелею...
Жизнью смертельно болею.

Отмени и Ты меня, посмей

Яростью от ужаса дыша:
«Боль моя всегда передо мною»,
Сына отлетевшая душа
Стала путеводною звездой.
Тьмы и тьмы смотрящих в небо глаз.
Шаг за шагом преданные судьбы.
Выбеленный неба спущен флаг.
Затвердели сомкнутые губы.
Заверюха злится в чистом поле.
Это души рвутся из неволи.
Леденящие глаза зимы
Прозревают гибель.
Божьей воле верить или нет?
Свет сияет в гробе сына, свет.
Почему священник повелел
Не прощаться с голубем навеки?
Отчего дрожали сына веки,
Перед тем, как птицею взлетел?
Руки сжаты, кулаки страшны
Силой набухающей весны,
Но на взлете срезаны навеки.
Мы рабы и – божьи дети мы...

Тысяча чертей, опять об этом!
Кто же мы, кому посвящены
Смертным холодом больные дни,
Кто нам крикнул – больше!..
Больше света!
Ну ответь мне, кто-нибудь, ответь,
То, что неподвластно божьей воле –
Для чего мне день и ночь терпеть.
И зачем Ты мучаешь меня,
Отобрав того, кто всех дороже.
Отменяю этот белый свет.
Где надежд на возвращенье нет.
Отмени и Ты меня, посмей –
Обиравший болящих и детей,
И со мной во мне пребудь навеки.

Боже мой – ремонт

Истончилась душа.
Белый Свет...
Разбирает ремонтник паркет,
говорит – давай, помогай!
За окошком теренькнул трамвай.
«Ой, дивчина, шумит гай,
кого любишь, выбирай...»
Выбираю Белый Свет.
Не беру на Тот билет.
На Том свете – боже мой –
младший сын всегда живой.
На Том – бабушка, о боже, –
внуков всех уже моложе.
...Рановато в те края.
Здесь ремонт, и здесь земля
на которой, святой мой,
старший сын живой со мной.

Я побуду здесь пока,
тихо глядя в облака.
Вот закончится ремонт...
Я возьму свой старый зонт...
...Дождь, как сын, со мной идет.
Старший? Младший? –
...как в кино.
Что ли мне не все одно?
...Источается душа,
Белый Свет,
как хлеб,
кроша...

Молитва

Святой Архангел Михаил, мой сын тебя любил.
Возьми его и огради, и присмотри, пожалуйста.
А то он в лавочку пойдет, и кто-нибудь винца нальет,
и я тебе пожалуюсь. Спаси от длани божьей и от Его любви
Летающего Мальчика во Храмах на Крови.
Бог так с Алешей носится, что гром с небес доносится.
Терпеть Лешке доколе радетельской неволи.
Спаси мне сына, догляди, не то он с неба бросится.

* * *

Холодно, холодно мне. Пропасть зим.
Это к морозу крутому плача взрыв.
Словно историй нарыв – из глубины времен,
я возвращений жду каждого в свой район,
где места миру нет, нет – красоте...
Рядом – не узнан никто, ибо – не те...
Ответишь ли, что за стих, и почему звук стих?
Кто запустил движок того, кто стирает блог,
книгами кормит костры... Лезвия чьи остры?
И по кому рыдал маленький детский бог?

Это за что в висок ввинчен земной виток?
Всё. Ничего не жаль, было – прошло.
Это небес скрижаль – перекорежило.
Что я смогу сказать – рот закушен навек.
Дольше побудь живым, теплый ко мне человек.
Здесь, высоко в снегах – благостно и светло.
Здесь претворяют прах в чистое вещество.
Слушаю день и ночь голос людских щедрот.
Как я скажу про то, что поняла не вдруг:
не передаст никто свой спасательный круг.
Не продышать, нет сил – в светлое завтра окно.
Ведь не увидеть свет, если в глазах темно.
Как не коснуться листа, если бежит строка...
Если уста к словам, что к поводку рука...
Память дана тому, кто опрокинуть смог
мир в себе и войну – в холода млечный слог.
А разжавши уста, кто кому повелит?
Произнесет не всяк – «Всякого Бог хранит»...

